

Антуан Кристоф Мерлен (из Тионвиля)

ПОРТРЕТ РОБЕСПЬЕРА

Приведено по:

Свобода. Равенство. Братство.

Великая французская революция:

документы, письма, речи, воспоминания, песни, стихи

Л. Детская литература. 1989. С.397-405.

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#); Юрий Карякин, редактор сайта [Великая французская революция](#), 2003. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны ред. [Vive Liberta](#)

Те, кто тешится, отыскивая в облике и душевных качествах людей черты сходства, сближающие их с животными, обратили внимание, что Дантон похож на дога, Марат на орла, Мирабо на льва; ну, а Робеспьер напоминает кота. Впрочем, внешность Робеспьера претерпела изменения: сперва у него была беспокойная, но довольно-таки умильная мордочка домашнего кота, после проглянула разбойничья морда кота-бродяги, а затем свирепая морда кота-тигра.

Сначала Робеспьеру была присуща меланхолия, но в конце концов она превратилась в желчность. В Учредительном собрании он отличался бледным, землистым цветом лица, в Конвенте — желтым и синюшным. В Учредительном собрании он не столько говорил, сколько стонал; в Конвенте — брызгал слюной от злобы. Его история — это, главным образом, история того, как менялся его темперамент.

Природа наделила его разумом весьма ограниченным, но, в сущности, вполне здоровым. Мысли посещали его нечасто, зато прочно укоренялись у него в голове; при недостатке воображения он обладал цепкой памятью; будучи неповоротлив, двигался всегда в одном направлении. Все эти черты свойственны меланхолическому темпераменту, которому сопутствуют ленивый, вялый ум, сухость и косность мысли.

Из-за присущей ему желчности каждое усилие ума превратилось для него впоследствии в муку, каждая мысль — в пугающий призрак, каждая вспышка воображения — в приступ бешенства. Такова судьба всех тиранов: от ярости они переходят к страху, от страха к ярости и с каждым днем делают всё более жестоки и всё более несчастны.

Он никогда не блистал познаниями. Скучные сведения, усвоенные в коллеже, не оставили в нем никакого следа, равно как и адвокатская практика. Трудясь над ценнейшими темами, которые предлагали ему провинциальные академии, он усвоил более филантропические, нежели философские понятия. Тем его образование и ограничилось. У него никогда не было ни малейшего представления о правительстве, политике, дипломатии. Он не делал различия между войной и поголовным истреблением противника; между анархией и угнетением; между вмешательством в управление частными владениями и домами и полным развалом общественного управления; воевать он умел, только пользуясь численным перевесом, властвовать только деспотически, а управлять только с помощью денег.

Ему никогда не были ведомы нежные, но неодолимые порывы, потаенные и неотвязные телесные влечения, дающие жизнь гордым духовным страстям, происхождение которых кажется подчас столь высоким. Единственной причиной, побуждавшей его к действию, было смутное и тягостное беспокойство, плод его темперамента, и причину эту он таил в глубине души. Это беспокойство постоянно лишало его душевного мира и заставляло трудиться без отдыха. Оно непрерывно побуждало его искать не наслаждений, а спасения от себя самого, не привязанностей, а рассеяния.

Не питая теплых чувств ни к чему на свете, Робеспьер сначала любил исключительно себя; но вскоре, сделавшись врагом человечества, он разучился любить даже себя самого; теперь ему было нужно, чтобы повсюду царил несчастье, а счастья он не в силах был обрести ни в чем.

Неправда, будто он имел честь любить женщин; напротив того, он делал им честь, ненавидя их. Иначе откуда такая жестокость?

Неправда, будто он любил славу. На самом деле после выхода из коллежа он, участвуя в судебных потасовках, привык к зрителям и к аплодисментам, а вечное недовольство собой еще подстегивало в нем жажду похвал. Но не следует смешивать ее с честолюбием. Он вечно жаждал шумного одобрения — но разве сделал он хоть что-нибудь, дабы одобрение это было воистину заслуженным? Ему было приятно, чтобы вокруг его персоны поднимали шум, потому что тогда он оказывался в центре внимания; только посреди этого шума он мог забыться.

Наконец, неправда и то, будто Робеспьер любил безграничную власть: ни использовать ее, ни наслаждаться ею он не умел. <...> Возможно, он лелеял смутную, безотчетную мысль, что заставит французов суеверно чтить его суждения и тупо преклоняться перед ним; но он был недостойн того, чтобы требовать подчинения. Он желал казаться королем лишь потому, что был недостойн им стать, да еще затем, чтобы не уступить корону другому. Он рвался к власти не потому, что любил власть как таковую, — ему, как подлому евнуху, невтерпеж было видеть ее в чужих руках.

В конце концов он возмечтал о неограниченной тирании; но он нуждался в ней именно ради улаживания собственной спеси: у него потому лишь хватило духу на захват власти, что он ни в коем случае не желал поступаться своим превосходством, которым столь бесстыдно гордился.

Впрочем, я вполне допускаю, что он с давних пор тянулся к власти: ведь она была ему необходима для утоления ненависти и жажды мести, и возможно, что в глубине души он с самого начала предпочитал тиранию; но все же он разделял власть с другими, и страшно подумать, что если бы он этим удовольствовался, то оставался бы у кормила по сию пору. <...>

Главной его страстью была зависть. Когда в Учредительном собрании он увидел столько даровитых людей, увенчанных славой, он был сражен. Эмиссары покрыли себя бесчестьем; он вздохнул с облегчением и решил, что расправился с ними. Но на сцене явились Кондорсе, ораторы Жиронды, Бриссо; новая вспышка, затем они гибнут — и Робеспьер вновь испускает вздох облегчения. Дантон единственный из множества ораторов остался на трибуне; на Дантона обрушились обвинения; на миг завистник Робеспьер забылся до такой степени, что попробовал за него вступить, но вскоре пришел в себя, то есть снова поддался зависти — и отступился от Дантона. Моущество Марата не успело его истерзать, благо, Марат погиб прежде жирондистов, но, вынужденный возглавить его посмертное торжество, Робеспьер сопровождал тело усопшего в Пантеон с таким видом, словно влачил его на свалку. Когда у него не осталось соперников на трибуне, он ополчился на тех, кто снискал известность прежде него или мог бы достичь славы в грядущем. Он задыхался, когда узнавал о наших победах, которым уделялось чересчур много времени у нас в Собрании и чересчур много места в газетах. Ему не давала покоя мысль о Пантеоне, где покоилось столько героев и где нашлось место Марату. Он готов был бы позавидовать славе топора, казнившего жертв его приговоров, кабы топор этот не клал предела славе тех, кому он завидовал еще больше, и кабы его собственная слава не держалась благодаря славе топора. Он воскресил Всевышнего только потому, что Всевышний незрим, и потому, что, заставляя все взоры обратиться к небу, он тем самым отвлекал их от земли, где должен был звучать лишь его голос. Никакая водобоязнь не сравнится с тем ужасом, какой он испытывал перед чужой доблестью. В погубивших его преступлениях наполовину виновата зависть; но не погибни он из-за преступлений, на которые она его толкнула, он умер бы от самой зависти.

Робеспьеру были отпущены, да и то не в полной мере, лишь те дарования, которые коренились в его пороках. Располагая ораторским талантом, хотя далеко не достаточным для того, чтобы сделаться оратором, он никогда не обнаруживал ни малейших способностей к практической деятельности.

Стиль его всегда был вульгарен и темен, лишен яркости и выразительности. Причина проста: мысли его — впрочем, немногочисленные — страдали расплывчатостью и запутанностью, и рождались они у него в мозгу с великим трудом. Многие верили, будто он всегда с радостной готовностью говорит о чем угодно, потому что при каждом удобном случае он и впрямь говорил обо всем, вернее, обо всех, кто высказывался до него, об их недобрых намерениях и тому подобное.

У Робеспьера был несравненный дар к вероломным намекам, но он был совершенно лишен дара искреннего и горячего убеждения. И даже его страсть к козням долгое время выражалась в боязни кого-либо оскорбить; он нападал только исподтишка; его стрелы были напитаны ядом, но он притуплял их и метал издалека, под покровом тумана, так что зачастую жертва погибала, не чувствуя раны. Под конец своего правления, когда Робеспьер осмелел настолько, что стал открыто нападать на несчастных, но смеющих обороняться, он научился обходиться с жертвами грубо и жестоко, но ни разу не сумел возвыситься над врагом.

В 1790 и 1791 годах ему весьма трудно было пробиться на трибуну, а если удавалось, то еще большего труда стоило ему быть услышанным — подчас он говорил слишком темно и сбивчиво, подчас слишком вяло и скучно. Ему ни за что бы не снискать одобрения Учредительного собрания, если бы он не добился успеха на трибуне, а там бы никогда не преуспеть, если бы не лицемерные проповеди, которыми он раздражался, когда эмиссары разоблачали выспренность его предыдущих разглагольствований, а главное — если бы он не рассыпался перед трибунами в такой раболепной лести. Лицемерие и низость помогли ему сплотить вокруг себя горстку сочувствующих, которую потом более ловкие деятели превратили в партию, — он не возглавил эту партию, но стал ее оратором. Своими по-прежнему вялыми речами он насилу умел обозначить вопрос; ему не по плечу было ни расшевелить слушателей, ни склонить их к решительным действиям. А много пользы от подстрекательских речей, если к ним не присоединяются речи, а главное, чувства деятельного революционера? Одно должно готовить почву для другого.

Как мог Робеспьер произносить пламенные слова, если, чуть только доходило до дела, на него нападал столбняк? Кто из нас видел, чтобы он хоть раз начал действовать? Не говорю уж о том, что он держался от греха подальше в минуту истинной опасности, но то же бывало и в самых мирных обстоятельствах. Примечательно, что этот человек, в течение шести лет не сходявший у всех с уст, влачивший, по общему мнению, в одиночку бремя двух национальных собраний, не внес ни единой строки в сорок томов законов, выработанных этими двумя собраниями; ни одна из революционных мер, принятых за последние два года, не придумана им, хотя к многим из них он имел самое близкое отношение.

В 1789 году пала Бастилия и рухнул деспотизм; в 1790 году родилась Конституция; в 1792 году завоевана Бельгия, свергнута королевская власть, установлена республика, разгромлены эмиссары, побеждена партия Жиронды, разрушено суеверие, учреждено революционное правительство, создана превосходная армия, снаряжен многочисленный флот, во второй раз побеждена Бельгия; уничтожены Мирабо, Барнав, Лафайет, Кондорсе, Верньо, Бриссо, Шометт; наконец, установлена, упрочена, испытана деспотическая власть самого Робеспьера... а между тем он не принял никакого участия в деяниях воистину славных, а в остальных участвовал на вторых ролях.

Мало того, что он был неспособен на действия, — он неспособен был даже воспользоваться их плодами; по природе своей он был враждебен любой организованной деятельности. Он был убежден, что всякое учреждение в силу своего существования вступает в противоречие с моральными устоями.

Вдвойне бессильному, ему было необходимо, чтобы весь общественный механизм развалился, чтобы все источники иссякли, чтобы дело общественного спасения зашло в тупик, — тогда бы он, не принося никакой пользы, казался необходимым и, ничего не делая, правил народом, оупевшим от невзгод и убежденным, что от вождя требуется только одно — надзор над гражданами.

Он был совершенно беспринципен — поэтому считалось, будто он верен своим принципам. Он долгое время был оратором своей партии — поэтому слыл великим революционером. Даровитые люди гибли один за другим, в то время как он крепко держался на ногах, — поэтому считалось, будто он сумел превзойти их всех; между тем, потому что он и устоял, что ничего не делал и не двигался с места.

На него были устремлены все взгляды, потому что он не терпел ничего соперничества и беспрепятственно разглагольствовал пять лет кряду. Единственный раз за всю свою жизнь он захотел пойти вперед: сделал шаг, один шаг не по чужим стопам, без поддержки и без провожатых, и этот шаг привел его к гибели. <...>

Сперва его называли патриот Робеспьер, потом — неподкупный Робеспьер, потом — доблестный Робеспьер, потом — великий Робеспьер, затем настал день, когда великого Робеспьера называли тираном, и в этот день какой-то санюлот, увидев его, простертого на убогом ложе в Комитете общественной безопасности, воскликнул: "И вот это ничтожество — тиран?!" <...>

Некоторые полагают, что Робеспьер займет заметное место в истории, но не Робеспьер прославил нынешнюю эпоху Французской республики, а Французская республика поделилась свое славой с Робеспьером. История не уделит этом чудовищу много внимания, она ограничится таким приговором:

"В те времена Франция пала так низко, что кровожадный шут по имени Робеспьер, бездарный и трусливый, ужаснул всех граждан свое тиранией. В то время как свыше миллиона воинов проливали кровь на границах республики, он сверг ее на колени своими проскрипциями. Республика не смела вздохнуть; руки мстителей избавили ее от тирана; но, рукоплеща его падению, она далеко не сразу посмела выпрямиться во весь рост".

«Портрет» относится к числу посттермидорских памфлетов, направленных против казненного М.Робеспьера и его сторонников.

О настроениях в период **термидорской реакции** см., напр., **К.Добролюбский**, «**Термидорианская реакция**» (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев) http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf; **П.Щеголев**, «**К характеристике экономической политики термидорианской реакции**» http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf; **Ц.Фридлянд**, «**Девятое термидора**» http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf; **Й.Шиковский**, «**Люди и нравы Французской революции**» http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shik_temp_mores.htm.

Автор памфлета — депутат Национального конвента, **А.-К.Мерлен**, — не был контрреволюционером; это был последовательный, деятельный, убежденный республиканец, отважный комиссар в миссии на фронте. См. биографическую справку (http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#mrl_tn) и подборку материалов о нем (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mrl_tn).

О Робеспьере: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>.